

Е.М. Болтунова.

**Последний польский король:
коронация Николая I в Варшаве в 1829 г.
и память о русско-польских войнах XVII — начала XIX в.**

В исторической науке идёт постоянный поиск свежих точек зрения на, казалось бы, давно известные и хорошо изученные сюжеты. В их рамках возможно обращение к событиям на первый взгляд дежурным, не примечательным, которые, однако, при умелом применении современных исследовательских методологий способны заиграть новыми красками, наполниться новым содержанием, даже приобрести более важное значение. Представляется, что именно такой эффект будет иметь книга директора Института региональных исторических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» кандидата исторических наук Екатерины Михайловны Болтуновой, посвящённая событию, ранее редко привлекавшему внимание, — коронации российского императора Николая I в качестве царя Польского в Варшаве в 1829 г.¹

Это торжество подробно исследовано на основе широкого и разнообразного массива источников и литературы, восстановлен ход связанных с ним событий, прослежено произведённое им впечатление. В то же время, применив относительно новые исследовательские подходы — изучение политики памяти (особенно в её символических аспектах) и истории эмоций, — Болтунова вышла на более широкую проблематику, предложив оригинальную авторскую интерпретацию политико-идеологического курса Российской империи в отношении польских земель в первой трети XIX в.

Эта интерпретация отличается не просто свежестью взгляда и трактовок происходившего, но парадоксальностью, порой даже спорностью. Иные выдвинутые автором тезисы будто бы намеренно полемичны, а многочисленные аналогии, проведённые как с предыдущими, так и с последующими историческими эпохами, заставляют задуматься над проблемами преемственности подходов и даже своего рода запрограммированности международных отношений, независимо от общественно-политического строя. Неудивительно в этой связи, что работа уже привлекла пристальное внимание исследователей как в России, так и за рубежом, на что указывает интернациональный состав предлагаемого читателям обмена мнениями.

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук А.И. Миллер и Л.В. Мельникова, кандидаты исторических наук А.В. Морохин и Д.А. Сдвижков, PhD П.В. Верт.

Материал подготовлен В.Н. Кругловым

¹ Болтунова Е.М. Последний польский король: коронация Николая I в Варшаве в 1829 г. и память о русско-польских войнах XVII — начала XIX в. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 560 с.

Алексей Миллер: Эго властителей, «эмоциональные режимы» и императивы имперской стратегии²

*Alexei Miller (European University at Saint Petersburg, Russia):
Ego of the rulers, «emotional regimes» and imperatives
of imperial strategy*

DOI: 10.31857/S2949124X24060075, EDN: RMKAIM

Многие годы тема империй Нового времени, и в особенности западных окраин Российской империи в XIX и начале XX в., находилась в центре моих исследований и интересов. Книга Е.М. Болтуновой «Последний польский король» поразительным образом совпадает с ними. И в тематическом, и в методологическом плане она предлагает читателю довольно богатый набор сюжетов. Хотелось бы изложить соображения относительно двух ключевых тем монографии — символической политики Российской империи первой трети XIX в. и политики Петербурга по «польскому вопросу», — а также поделиться рассуждениями о ситуации в историографии русско-польских отношений и о месте в ней данной книги.

Первая часть рассказывает о подготовке и проведении коронации Николая I как царя Польского в Варшаве, предлагая её анализ с точки зрения символической политики. Тем самым восполняется лакуна в «Сценариях власти» Р. Уортмана³. В первом томе своего классического труда американский историк охватил период от Петра I до Николая I, рассмотрев церемонии XVIII и начала XIX вв. именно как «театр одного актёра», «послания» монарха подданным. Попытку реконструировать процесс выработки «сценария» церемоний и восприятие их за пределами узкого круга придворных он предпринял только в отношении более позднего времени.

Коронация 1829 г. оказалась беспрецедентной: император всероссийский впервые короновался как польский король. Торжество следовало спланировать от начала до конца, как следствие, оно готовилось в интенсивном диалоге Петербурга и Варшавы, Николая I и его брата Константина Павловича, выявив важные противоречия между ними. Константин к тому моменту более десяти лет жил в Польше, был женат на польке и стремился завоевать лояльность местного общества. Николай же симпатий к полякам никогда не питал, а коронацию рассматривал как демонстрацию дисциплины и верности обязательствам, которых ожидал и от своих польских подданных⁴.

Польское общество воспринимало эту церемонию как символический акт заметно острее, нежели русское. Послания монарха польскому и русскому обществам также существенно различались. Всё это даёт редкую для рассматриваемого периода возможность проанализировать коронацию с точки зрения символической политики. Болтунова вполне эту возможность использует,

² Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00520 «За пределами “колониальности” и национализма: пространства интеграции в Российской империи (XIX — начало XX в.)».

³ Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002.

⁴ О «дисциплинирующем» подходе в политике Николая I на западных окраинах империи см.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010.

не просто дополняя Уортмана, но и меняя сам подход к материалу данного периода⁵.

Рассказ о подготовке и проведении коронации, а затем о восстании 1830–1831 гг. показывает, как противоречиво и сложно переплелись эмоции и тактические соображения властителей и придворных. Повествуя об этих событиях, Болтунова фокусирует внимание на личностных факторах, подробно рассматривая «эмоциональные режимы»: взаимоотношения Николая и Константина, их взгляды на наследие старшего брата Александра, который создал Царство Польское во многом вопреки мнению окружения, и на взаимодействие с польскими подданными. В качестве причины восстания указывается «укрепление субъектности территории», формирование в польском обществе нового «взгляда на себя, свои права и возможности». Этот взгляд оформился под влиянием стратегии управления Царством, которой придерживались в Петербурге (с. 441).

Выдвинув этот тезис, Болтунова отклоняет укоренившиеся в историографии объяснения произошедшего: репрессивные черты политики Петербурга, нарушения польской конституции, влияние международной обстановки (революции 1830 г. во Франции и Бельгии). С одной стороны, вполне можно согласиться с утверждением об их слабой убедительности. С другой — Болтунова сама повторяет нередко звучавшие прежде аргументы, а также и некоторые ошибки своих предшественников. Например, утверждение о «колоссальных финансовых вливаниях и экономических привилегиях», предоставленных Царству Польскому, верно. Однако упускается из вида, что дотирование бюджета Царства из имперской казны в 1820-х гг. почти сошло на нет. Его успешное экономическое развитие в этот период — результат внутренних факторов, в том числе политики министра финансов Ф.-К. Друцкого-Любецкого⁶.

Представляется, что для понимания сути политики Александра I и Николая I в «польском вопросе», а также причин и механизмов восстания следует больше внимания уделить структурным факторам. К 1815 г. империя радикально преобразилась. Земли, занятые в результате разделов Речи Посполитой, присоединение Финляндии и Бессарабии, а затем и Царства Польского, резко изменили конфигурацию этого гигантского образования: географическую, этноконфессиональную, сословную. Теперь великороссы составляли лишь примерно половину подданных царя, а польская шляхта равнялась по численности всему остальному дворянству империи.

Напомню, что восстание началось в варшавской школе подхорунжих. Её выпускники, проходя службу в мирное время, имели шанс дослужиться хотя бы до майорского чина лишь через несколько десятков лет. Весьма вероятно, что это обстоятельство повлияло на поведение молодых кадетов. Польская армия была сравнительно невелика — всего 30 тыс., а её офицерский корпус — молод. Николай и Константин отлично разбирались во всём, что касалось продвижения по военной службе. Поэтому спор, возникший между ними по вопросу об участии польской армии в войне с Османской империей, касался не только того, кто из них принимает решения, и не только надежд царя

⁵ Подробнее см.: *Бешкинская В.С.* Символическая политика (в) Российской империи: состояние теоретического и историографического поля // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3. С. 155–168.

⁶ См.: *Обушенкова Л.А.* Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие. М., 1979.

на воспитание в польских военных «братства по оружию» с русскими (о чём справедливо пишет Болтунова). Со стороны Николая это была ещё и попытка подступиться к решению вопроса о продвижении их по службе, что, в свою очередь, выводило на намного более масштабную проблему места польской аристократии в строе империи.

До восстания ставка делалась на классическую модель непрямого правления, когда элита окраины лояльна центру, сотрудничает с ним, получает от этого выгоды и пользуется определённой автономией. Так строились отношения Петербурга со всеми западными окраинами. В идеале такая элита (точнее, её часть) постепенно вливалась в имперскую, т.е. начинала служить и за пределами «родной» провинции. Подобную инкорпорацию удалось осуществить в отношении остзейцев, казачьей старшины, даже шведского дворянства Финляндии, имевшего рядом «своё» Шведское королевство. До наполеоновских войн данная политика отчасти работала и в отношении поляков. Например, А. Чарторыйский и С. Потоцкий стали в 1803 г. попечителями двух из четырёх созданных в России учебных округов, причём последний возглавил Харьковский округ, на территории которого со времён Б. Хмельницкого шляхты не осталось.

Однако проблема оказалась намного сложнее. Польское дворянство сохраняло память о «своём» государстве — Речи Посполитой — и обещаниях Наполеона его возродить. Но главное, его доля в населении оказалась намного больше, чем у российского, остзейского или шведского. На некоторых территориях она достигала 10 и даже более процентов, тогда как прочие группы на своих не превышали 2%. Империя просто не могла предложить всем представителям шляхты сколько-нибудь удовлетворительные карьерные возможности.

И Александр I, и его младшие братья понимали всю степень сложности проблемы. Удобным вариантом её решения виделось создание Царства Польского с особой короной, тарифами, валютой и армией, т.е. привязка его к России лишь династической унией. Поэтому, хотя в первые дни восстание можно было подавить силами русских частей, расположенных рядом с Варшавой, Константин и Николай на это не пошли. Их поведение следует понимать не как нерешительность, а как отчаянную надежду на то, что поляки «сами разберутся», благодаря чему сохранится возможность выстраивания отношений с ними как с лояльной элитой, достойной доверия и автономии. Низложение Николая польским Сеймом сделало военное столкновение и разгром восстания неизбежными, а ликвидация Царства Польского стала признанием невозможности возврата к непрямому правлению. Строительство цитадели, чьи пушки с 1835 г. смотрели на город, — символ нового подхода к правлению на этих землях. Но показательно, что через 30 лет, в начале царствования Александра II, власти империи предприняли попытку реанимировать сотрудничество и частично восстановить автономию. Однако она быстро привела к новому взрыву и очередному повороту в имперской политике.

Описываемый процесс совпал по времени с утверждением в среде восточно-европейского дворянства, будь то русское или польское, романтического национализма. Оба проекта национального строительства претендовали на одни и те же земли, из-за чего их конфликт оказался таким непримиримым⁷. Яркое

⁷ Подробнее см.: *Miller A., Dolbilov M.* «The damned Polish question». The Romanov Empire and the Polish uprisings of 1830–31 and 1863–64 // Comparing empires. Encounters and transfers in the long

свидетельство понимания его сути и эмоционального накала, с которым он переживался, — стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Обширные спорные территории охватывали Юго-Западный край (правобережье Днепра с Киевом) и частично Северо-Западный с его белорусскими землями. Понимание этой стороны проблемы, её влияния на поведение правителей России не менее важно для рассматриваемой темы, чем исследование личностного фактора, о котором в книге рассказано много интересного.

В качестве одного из факторов, повлиявших на решение Николая провести коронацию в Варшаве, Болтунова отмечает длительную конкуренцию Петербурга и Вены (а позднее и Берлина). Связь и взаимовлияние политики трёх империй в «польском вопросе» — важная и хорошо изученная тема⁸. Пониманию специфики отношений Романовых с их польскими подданными сильно поспособствовал бы анализ отношений Габсбургов с венграми, прежде всего их дворянством, которые тоже развивались как на качелях. В них есть и периоды холодного отчуждения, и ожесточённое восстание 1848—1849 гг., не менее жестоко подавленное. Есть и цитадель, построенная после подавления восстания, с пушками, направленными на Буду и Пешт. Есть и коронация Франца-Иосифа венгерской короной в Будапеште в 1867 г., которая оформила деление империи на австрийскую Цислейтанию и венгерскую Транслейтанию. Таким образом, в подходах обнаруживается много схожего, а сравнение «венгерского» и «польского вопросов» высвечивает роль национализма как силы, налагавшей всё большие ограничения на свободу манёвра монархов.

Важный элемент символической политики в анализе Болтуновой — политика памяти. После создания Царства Польского и для польских, и для русских подданных империи требовалось сформировать трактовки истории, которые позволили бы нейтрализовать опыт ожесточённого противостояния времён наполеоновского нашествия. Этот конфликт накладывался на память о более ранних столкновениях: Смуте начала XVII в., о которой напоминал установленный в 1818 г. на Красной площади в Москве памятник К. Минину и кн. Д.М. Пожарскому, недавних разделах Речи Посполитой, восстании Т. Костюшко. Некоторые участники этих событий в момент коронации ещё были живы. Показывая ход формирования рассказов о прошлом, книга вносит важный вклад в понимание того, как изменчива культурная память.

Это подводит меня к последней теме моих рассуждений. Очень важно увидеть книгу Болтуновой в историографических контекстах. В российской и советской традициях описания истории русско-польских отношений можно найти, с одной стороны, темы коварства, гонора, неблагодарности и русофобии поляков (прежде всего они характерны для дореволюционных авторов), а с другой — мотив общей борьбы с самодержавием «за нашу и вашу свободу». Последний доминировал после Второй мировой войны, когда Польская народная республика превратилась в члена «дружной семьи народных демократий». В Польше долгое время сохранялась романтическая память о героических вос-

Nineteenth century. Göttingen, 2011. P. 425—452; Западные окраины Российской империи / Под ред. М.Д. Долбилова, А.И. Миллера. М., 2006; *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914). М., 2011.

⁸ См.: *Miller A.* The value and the limits of a comparative approach to the history of contiguous empires on the European periphery // *Imperiology: from empirical knowledge to discussing the Russian Empire.* Sapporo, 2007. P. 19—32.

станиях, однако в 1870-х гг. она начала уступать место критическому патриотизму варшавских позитивистов и краковских консерваторов. В межвоенный период в фокусе политики памяти оказалось «чудо над Вислой» — отражение наступления Красной армии в 1920 г. Все следы русского присутствия в Варшаве систематически уничтожались. Образ Польши как «Христа народов», противостоящего русскому и советскому империализму, возродился в идеологии партии «Право и справедливость», долгое время оказывавшей значительное влияние на политику страны. В последние годы любая сложность и неоднозначность истории русско-польских отношений XIX–XX вв. вытеснена исключительными по агрессивности лозунгами борьбы с «империей зла». В России тоже есть желающие вернуться в русло «боевого историописания».

Рассматриваемая книга не следует ни одной из этих традиций. Она открыта для обсуждения и предлагает спокойный, взвешенный тон дискуссии. В этом Болтунова близка к авторам недавних публикаций в серии «Historia Rossica» (Д. Сталюнасу, М. Рольфу и др.), которые демонстрируют возможность уравновешенной дискуссии о русско-польских отношениях имперского периода⁹. Остаётся только пожелать, чтобы дискуссия и продолжалась в русле спокойного анализа сложной темы, воздерживаясь от конфронтационной примитивизации.

Денис Сдвижков: История российско-польских отношений как история эмоций

*Denis Sdvizhkov (European University at Saint Petersburg, Russia):
The history of Russian-Polish relations as history of emotions*

DOI: 10.31857/S2949124X24060089, EDN: RMFITW

Один из ключевых факторов в определении исторической судьбы Восточной Европы — польско-российские взаимоотношения — после разделов Речи Посполитой и включения её территорий в состав Российской империи приобрёл форму «польского вопроса». Политика российских властей не только направляла жизнь поляков на протяжении «долгого XIX века», но и в значительной степени служила индикатором социальных и культурных процессов в самой империи. Справедливо поэтому утверждение, что рецензируемая «книга не о Польше. Она о России» (с. 23). Её оптика определена задачей, которая в современной обстановке кажется более чем нетривиальной: вернуть в «деколонизированную» и «децентрализованную» историю российско-польских контактов перспективу имперского центра (с. 23–26).

Е.М. Болтунова напоминает, что «Польша нежная, где нету короля» (О. Мандельштам), такового в XIX в. хотя и недолго, но всё же имела. Сюжетный стержень книги — вытесненный последующими событиями из исторической памяти эпизод коронации Николая I в Варшаве в период существования «Конгрессовки» — учреждённого на Венском конгрессе автономного Царства Польского, находившегося в личной унии с Российской империей и пользовавшегося широкой автономией.

⁹ Рольф М. Польские земли под властью Петербурга. От Венского конгресса до Первой мировой. М., 2020; Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М., 2022. Подробнее об этих книгах см.: Кретов В.А. Польский вопрос в Российской империи в последних изданиях серии Historia Rossica // Славянский альманах. 2024. Вып. 1–2. С. 427–453.